

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
П21

Tim Powers
LAST CALL

Copyright © 1992 by Tim Powers

Разработка серии, дизайн переплета
и иллюстрация на форзаце *Василия Половцева*

Иллюстрация *Анны Пантюшиной*

Оформление *Андрея Саукова*

Пауэрс, Тим.

П21 Последняя ставка / Тим Пауэрс ; [пер. с англ. А. Гришина]. — Москва : Эксмо, 2019. — 672 с. — (Большая фантастика).

ISBN 978-5-04-102287-7

Бывший профессиональный игрок Скотт Крейн десять лет не появлялся в Лас-Вегасе и не прикасался к картам. Но ночные кошмары о странной партии в покер, в которой он когда-то участвовал, приводят его обратно в «город грехов». Ибо той ночью 1969 года магическая игра не закончилась. И решающая ставка в ней — его бессмертная душа. Магия карт Таро, ожившие мифы, гангстеры — в романе, получившем самые престижные литературные награды: Всемирную премию фэнтези и премию «Локус».

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-102287-7

© А. Гришин, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ПРОЛОГ

**1948:
ЗАМОК В ПУСТЫНЕ**

В марте 1951 г., свидетельствуя перед сенатским комитетом Кефопера по расследованию преступлений, Вирджиния Хилл заявила, что Сигел сказал ей, что в отеле «Фламинго» все «вверх дном»; правда, она не смогла объяснить, что он имел в виду, произнося эти слова.

Колин Лепов, Соперники Сигела

И с башен опрокинутых несется
Курантов бой покинутое время
И полнят голоса пустоты и иссякшие колодцы.

Т. С. Элиот, Бесплодная земля¹

Сын мой, видел я Корабль прекрасный,
в небесах плывущий,
Вниз мачтами и килем вверх. Ходили
Вниз головой матросы по нему...

Альфред Теннисон, Королевские идиллии²

¹ Здесь и далее цитаты из Т. С. Элиота — в переводе А. Я. Сергеева.

² Здесь и далее цитаты из А. Теннисона — в переводе В. В. Лунина.

Глава 1

«У МЕНЯ ОСТАЕШЬСЯ ТЫ, СЫНОК»

Джордж Леон чересчур крепко держал младшего сына за руку и то и дело поглядывал из-под полей шляпы на неестественно темное для полуденного времени небо.

Он знал, что любой водитель из тех, что едут сейчас по длинной и малолюдной Боулдер-хайвей, видит над пустыней свисающие из облаков рваные полотнища дождя, и что, по всей вероятности, ливень уже пролился на две полосы 91-го шоссе и превратил в остров стоящий за городом отель «Фламинго». Над противоположным полушарием Земли светила полная, круглая луна. А он все пытается шутить...

«Луна и Дурак, — думал он в отчаянии. — Круглый дурак... Плохое сочетание — но я уже не могу остановиться».

За квартал или два, в одном из переулков или на одной из стоянок лаяла собака. Леон неосознанно подумал о собаке, изображенной на карте «Дурак» колоды Таро, и о собаках, которые в древнегреческих мифах сопровождали Артемиду, богиню луны. И, конечно, о том, что на карте «Луны» обычно изображается дождь. Как же ему хотелось иметь возможность напиться...

— Скотти, лучше бы нам вернуться домой, — сказал он мальчику, не без усилия заставив себя не выдать голосом нетерпение. И мысленно добавил: и поскорее все закончить.

Разлапистые пальмовые листья шелестели над головой и стряхивали капли на тротуар.

— Домой? — возмутился Скотти. — Но ведь ты *говорил*... Из-за угрызений совести Леон рассердился.

— У тебя был прекрасный завтрак и ланч не хуже, у тебя полные карманы продырявленных фишек и расплющенных пенни. — Они сделали еще несколько шагов по тротуару в сторону Центр-стрит, откуда предстояло повернуть прямо к бунгало. Мокрая улица пахла сухим белым вином. — Впрочем, я тебе вот что скажу, — продолжил он, презируя себя за то, что дает заведомо пустое обещание, — вечером, после обеда, буря кончится, и мы сможем взять телескоп, поехать за город и посмотреть на звезды.

Мальчик вздохнул.

— Ладно, — сказал он, рысцой поспевая за отцом и свободной рукой перебирая лежавшие в кармане фишки и пенни. — Но ведь будет полная луна. За ее светом больше ничего не будет видно, разве нет?

«Боже, да заткнулся бы ты!» — подумал Леон.

— Нет, — сказал он, как будто вселенная могла слышать его и повести себя согласно его желанию. — Нет, это не изменит *главного*.

Леону требовалась причина для того, чтобы заглянуть в отель «Фламинго», расположенный в семи милях от города по 91-му шоссе, и поэтому он поехал со Скотти туда завтракать.

«Фламинго» представлял собой широко раскинувшееся трехэтажное здание с пентхаусом вместо четвертого этажа, резко выделяющееся сочной зеленой окраской на фоне коричневато-желтой пустыни. Вокруг здания стояли привезенные издалека пальмы, и зеленый газон смотрелся в лучах утреннего солнца, повисшего в безоблачном небе, вызывающе и дерзко.

Леон предоставил рассыльному припарковать машину, а сам, за руку со Скотти, отправился по ленте тротуара к парадному крыльцу, ведущему к двери казино.

У самого крыльца, слева, за кустом, Леон давным-давно пробил дыру в штукатурке и нацарапал вокруг нее несколько символов; в это утро он, вступив на лестницу, пригнулся,

чтобы завязать шнурок ботинка, и, вынув из кармана пиджака пакетик, сунул его в эту дыру.

— Еще одна опасная для тебя вещь, да, папа? — шепотом спросил Скотти. Мальчик, полуобернувшись, разглядывал круглое солнце с лучами и процарапанные в зеленой краске фигурки из палочек и кружочков, врезавшиеся в штукатурку.

Леон выпрямился. Он смотрел сверху вниз на сына и пытался понять, с чего это он так разоткровенничался с ним. Впрочем, теперь это было уже неважно.

— Совершенно верно, Скотти, — сказал он. — И что это такое?

— Наш секрет.

— И это верно. Ты голоден?

— Как клоп. — В их диалогах встречалось множество излюбленных реплик.

— Тогда пойдём.

Солнце пустыни вливалось в окна, сверкало на медных сотейниках, в которых подали яичницу и копченую селедку. Они не были постояльцами отеля, но все же им подали завтрак «за счет заведения», поскольку все знали Леона как делового партнера основателя отеля и города Бена Сигела¹. Хотя официантки уже безбоязненно говорили вслух о «Багси» — Психопате — Сигеле.

Первым, из-за чего Леон сегодня расстроился, было то, что он ел за счет именно этого покойника.

Зато Скотти наслаждался, потягивая кока-колу с вишневым сиропом и оглядывая помещение умудренным взглядом прищуренных глаз.

— Теперь это принадлежит тебе, да, папа? — спросил он, когда они выходили через круглый зал, где размеща-

¹ Бенджамин Сигельбаум (1906—1947), более известный как Бен Сигел или Багси Сигел — один из знаменитейших гангстеров эпохи «сухого закона» и вдохновитель превращения Лас-Вегаса в центр игорного бизнеса.

лось казино. Сухо пощелкивали карты, кости чуть слышно катались по зеленому сукну, но Леон не стал смотреть ни на один из случайных раскладов или чисел, определявших данное мгновение.

Никто из крупье и распорядителей не подал виду, что слышал мальчика.

— Не надо... — начал было Леон.

— Я знаю, — перебил его Скотти, сразу устыдившись своей опрометчивости, — ты никогда не говоришь ничего важного рядом с картами.

Они вышли через дверь с номером 91 и были вынуждены подождать, пока подгонят автомобиль с другой стороны — той, где здание, благодаря единственному окну пентхауса, походило на лицо с одним глазом, уставившимся на пустыню.

«Карта «Император», — думал Леон, волоча за собою Скотти по тротуару потемневшей от дождя Центр-стрит, — почему от *нее* не было никаких сигналов? Изображенный в профиль старик, сидящий на троне, скрестив ноги из-за какого-то физического изъяна. Это *моя* карта уже целый год. Я могу доказать это, предъявив Ричарда, моего старшего сына, а вскоре к доказательству прибавится и Скотти, идущий рядом со мною».

Он невольно задумался о том, каким мог бы вырасти Скотти, если бы не то, что должно с ним случиться. В 1964 году мальчику исполнился бы двадцать один год; интересно, есть ли уже где-то на свете маленькая девочка, с которой он мог бы когда-нибудь встретиться и жениться на ней? И найдет ли она себе кого-нибудь другого?

Каким из себя мог бы стать Скотти, повзрослев? Толстым, тощим, честным, изворотливым? Унаследовал бы он отцовский талант к математике?

Леон взглянул сверху вниз на мальчика и подумал о том, сколько интересного Скотти нашел среди потемневших от дождя деталей улицы — яркие красные и голубые неоновые иероглифы в круглых окошках баров, промокшие уличные

навесы, хлопающие на сыром ветерке, автомобили, проплавившие, будто субмарины, в рассеянном сером свете...

Он вспомнил, как несколько месяцев назад Скотти бегал среди залитых ярким солнцем розовых кустов, окаймлявших территорию «Фламинго», и кричал: «Смотри, папа! Листья такого же цвета, как страна Оз!» Леон отлично видел, что все листья на кустах тусклого темно-зеленого цвета, почти черные, и на мгновение даже испугался, что у Скотти нарушено цветовое восприятие, но потом присел на корточки рядом с сыном, голова к голове, и увидел, изнанка у каждого листа ярко-изумрудная, но этого не может увидеть ни один прохожий выше четырех футов роста.

С тех пор Леон уделял особое внимание наблюдениям своего сына. Они часто оказывались забавными, например, когда он заметил, что картофельное пюре на его тарелке очень похоже на Уоллеса Берри, но иногда — как это случилось сегодня во время ланча — Леон находил их смутно зловещими.

После завтрака, когда солнце еще сияло, а грозовые тучи лишь вздымались на западе над маленькими отсюда горами Спринг-маунтинс, они вдвоем поехали на новеньком «Бьюике» в центр города, в «Клуб Лас-Вегас», где Леон сохранил за собой место крупье в блек-джеке, приносящее восемь долларов в день.

Там он обналичил чек, получил пятьдесят центов монетами и велел одному из распорядителей выдать Скотти горсть старых потрепанных фишек, которые в казино приводили в негодность, пробивая дырку в центре, а потом они пошли к железнодорожным путям западнее вокзала «Юнион Пасифик», и Леон показал сыну, как подкладывать монетки на рельсы, чтобы колеса поездов из Лос-Анджелеса расплющивали их.

Потом они чуть ли не час бегали класть блестящие монетки на горячие стальные рельсы, отступали на безопасное расстояние и ждали поезда, а потом, когда похожий на космический корабль состав с грохотом выкатывался со станции, завывая, пронесся мимо и начинал постепенно

уменьшаться на западе, подбирались к рельсам и старались найти гладкие медные овалы. В первые минуты они были слишком горячими для того, чтобы их можно было удерживать в руке, и Леону приходилось складывать их в перевернутую тульей вниз шляпу, чтобы они остыли. В конце концов он объявил, что пришло время ланча. Облака на западе заметно распухли.

Они поехали дальше и обнаружили в цветном районе к западу от 91-го шоссе новое казино под названием «Мулен Руж». Леон не слышал прежде о существовании такого заведения, и цветных он не любил, но Скотти проголодался, а сам Леон уже терял терпение, поэтому они отправились туда. Сначала пришлось объяснять Скотти, что его расплющенные пенни не годятся для игровых автоматов, а потом они вошли в ресторан и заказали рагу из лобстера, оказавшееся на удивление вкусным.

Скотти съел, сколько смог, после чего принялся размазывать соус по краям тарелки; сквозь остатки пищи в середине проглянула фигура арлекина, являвшегося, судя по всему, эмблемой «Мулен Руж».

Мальчик несколько секунд рассматривал белое лицо, потом поднял взгляд на отца и сказал:

— Джокер.

Джордж Леон, не подавая виду, перевел взгляд на лицо, украшавшее тарелку сына. Андрогинная фигура арлекина походила на стандартного джокера из карточной колоды, и, конечно, он знал, что карта «Джокер» — единственная из фигур старших арканов пережила урезание старинной колоды Таро из семидесяти восьми карт до современной пятидесятикарточной игральной колоды.

В былые века эта карта именовалась «Дураком» и изображала пляшущего на краю обрыва человечка с палкой в руке, преследуемого собакой, но Джокер и Дурак, несомненно, являли собой одну персону.

Один из смеющихся глаз человечка закрывал кусок омара.
— Одноглазый Джокер, — радостно добавил Скотти.

Леон поспешно расплатился по счету и вытащил сына под ливень, накатившийся на город, пока они обедали. Они поехали обратно к «Клубу Лас-Вегас», а там Леон, ощутивший себя слишком заметным в большом автомобиле, уговорил сына вылезти, и они прошли под уже слабевшим дождем несколько кварталов до бунгало на Бриджер-авеню, где они жили.

Ричард, восемнадцатилетний брат Скотти, стоял на крыше, оглядывая близлежащие улицы, и не стал смотреть вниз, когда они открыли ключом дверь и вошли в дом.

В двери кухни стояла жена Леона; улыбка на ее сухом усталом лице казалась вымученной.

— Вы рано вернулись.

Джордж Леон прошел мимо нее, сел за кухонный стол, побарабанил пальцами по пластиковой поверхности — ему чудилось дрожание в кончиках пальцев, как будто он выпил слишком много кофе, — и лишь тогда ответил:

— Начался дождь. Не дашь ли ты мне «коку»? — Он уставился на барабанившие по столу пальцы и заметил седые волоски на фалангах.

Донна с готовностью открыла холодильник, вынула бутылку и сдернула крышку приделанной к стене открывалкой.

Возможно, Скотти приободрил стук пальцев по столу, или же он захотел разрядить сгущавшееся в комнате напряжение, но он подбежал к отцу.

— «Сынок», — сказал Скотти.

Джордж Леон посмотрел на сына и подумал, что просто не станет делать того, что намеревался.

Леон почти двадцать лет трудился, чтобы достичь того положения, которое занимал сейчас, и за это время привык рассматривать людей не как себе подобных, а скорее как числовые и статистические единицы, используемые им для продвижения к цели. Лишь сегодня, рядом с этим мальчиком он начал подозревать, что в его решении имеются слабые места.

Жаль, что он не заподозрил их пораньше

Например, лодочный поход по озеру Мид был стратегическим маневром, но теперь он видел, как ему нравился энтузиазм, с которым мальчик наживлял крючки и греб; и основанные на трудно добытом опыте советы относительно карт и костей были скорее наставлениями заботливого отца, нежели холодные предостережения.

Донна поставила бутылку на стол, и он задумчиво отхлебнул «коки».

А потом, имитируя голос певца, которого они однажды слышали в фойе «Клуба Лас-Вегас», процитировал:

— *Лезь ко мне на колени, Сынок.*

Скотти радостно повиновался.

— *Если мрачны небеса...* — пропел Леон.

— Чего ты не боишься? — осведомился Скотти.

— *Я не боюсь мрачных небес...*

— Что я с ними делаю?

— *Ты наполняешь их голубизной...*

— Как меня зовут?

— *Сынок.*

— Что сделают с тобою друзья?

Леон задумался, кого могут касаться эти слова, и сделал небольшую паузу перед следующей строкой.

Он ведь может остановиться. Вернуться на берег, найти убежище от шпииков, которые наверняка будут искать его, прожить остаток жизни — еще двадцать один год, если считать стандартные три двадцатки и десять, — нормальным человеком. Возможно, Ричард, его старший сын, еще восстановится.

— Что сделают с тобою друзья? — повторил Скотти.

Леон посмотрел на мальчика и с глухим отчаянием понял, что за последние пять лет полюбил его. На мгновение ему показалось, что в стихах может содержаться обещание — что Скотти, возможно, и впрямь сможет наполнить голубизной его мрачное небо. Что, если «Дурак» предупреждает о последнем шансе на такой поворот событий?

Пожалуй, что и возможно.

Но...

Но это уже ничего не значит. Поздно. Слишком уж далеко Леон зашел в погоне за явлением, смутный образ и потенциал которого приоткрылся ему в статистических расчетах, сделанных еще в Париже, когда ему было двадцать с небольшим. Слишком много народу погибло, слишком много себя вложил он во все это. Если что-то менять сейчас, ему придется начинать все заново — постаревшему, неуверенному в себе и с настроенной против него колодой.

— Пусть друзья покинут меня, — эту строчку он продекламировал, а не пропел, и мысленно добавил: *я согласен, пусть все меня покинут; у меня останешься ты, Сынок.*

Он поднялся и легко вскинул мальчика на плечи.

— Ну, хватит песен, Скотт. У тебя еще остались деньги? — Мальчик побрякал никчемными фишками и пенни, которыми были набиты его карманы. — Тогда пойдем в «берлогу».

— Зачем? — спросила Донна, стоявшая, засунув ладони в задние карманы джинсов.

— У нас мужские дела, — ответил ей Леон. — Верно, Скотто?

Скотт радостно подпрыгнул на отцовских плечах.

— Верно!

Леон пересек комнату, сделал вид, будто собирается протаранить головой сына дверной косяк, но в последний момент низко присел и миновал дверь. Такой же трюк он устроил около двери «берлоги», заставив ребенка расхохотаться, а потом снял его с себя и усадил в кожаное кресло — папино кресло. Пламя лампочки трепетало на ветру, отбрасывая причудливые тени на корешки книг, которыми были бессистемно заполнены книжные шкафы, поднимающиеся от пола до самого потолка.

Голубые глаза Скотти широко раскрылись, и Леон знал, что мальчик ошарашен тем, что ему впервые позволили сесть в кресло, над которым на проводах висели чаша, наконечник копья и корона.